

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343/13

DOI: 10.17223/23088451/18/8

Д.И. Гаврилов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА, ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ЗАЛОГА

Рассмотрен важный институт государственной деятельности, направленный на применение дополнительных мер по защите прав и свобод граждан, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности. Раскрывается статус сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, исполняющих меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога в случае одновременного применения мер государственной защиты к подозреваемым (обвиняемым), состоящим на учете.

Ключевые слова: государственная защита, меры пресечения, меры безопасности, домашний арест

Государство выступает гарантом обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, содержащихся в нормах Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Граждане в процессе взаимодействия с различными субъектами правоотношений получают разные функции в зависимости от вида правоотношений, в которые они вступили по своей воле или вовлечены различными властными субъектами.

Наиболее строгими с точки зрения ограничения конституционных прав являются уголовно-процессуальные правоотношения. Участие в производстве по уголовному делу необратимо связано с угрозой личной безопасности со стороны криминогенных субъектов. Наиболее уязвимыми участниками уголовного процесса являются свидетели, потерпевшие, а также иные участники уголовного судопроизводства, имеющие значение для производства уголовного дела.

Правовая база обеспечения мер государственной защиты участников уголовно-процессуальной деятельности впервые была внедрена в США. WITSEC (государственная программа защиты свидетелей) была сформирована в США в рамках Закона о борьбе с организованной преступностью в 1970 г. В рамках данной программы государством сформирован эффективный инструмент борьбы с крупными преступными синдикатами и организованной преступностью в целом. Всего два учреждения наделены полномочиями по осуществлению защиты – Служба судебных marshалов и Федеральное бюро тюрем. Судебные marshалы осуществляют меры безопасности на досудебных и судебных стадиях, обеспечивают жильем, медицинской помощью, помогают с трудоустройством, осуществляют замену удостоверений личности и т.д. Сотрудники Федерального бюро тюрем осуществляют меры безопасности в местах лишения свободы, основное средство защиты – это перемещение защищаемого лица в безопасное место [1].

В Канаде, как и в США, законодательно закреплены меры обеспечения безопасности свидетелей, имеющих

ключевое значение при обвинении. Основным органом, обеспечивающим меры безопасности, является управление по борьбе с наркотиками Королевской канадской конной полиции. Меры обеспечения безопасности аналогичны мерам, применяемым в США, исключительной мерой при угрозе жизни и здоровья защищаемого лица является изменение идентификационных данных. Взятое под защиту лицо охраняется до конца жизни или до момента самостоятельного отказа от применения мер безопасности.

В отечественном законодательстве институт государственной защиты впервые получил свое отражение в Законе СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (далее – Закон № 1556-1) [2]. Указанным нормативным актом внесены изменения в «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г. Изменения предлагали использование уголовно-процессуальных мер, направленных на обеспечение безопасности свидетелей, их родственников и иных участников. Данные меры предусматривали осуществление следственных действий с сохранением в тайне персональных данных лица, взятого под государственную защиту, и еще ряд мер, направленных на охрану жизни и здоровья.

С распадом СССР Закон № 1556-1 утратил свою силу, а вместе с ним и нормы, регламентирующие порядок обеспечения безопасности. Однако взятый курс развития института государственной защиты нашел свое отражение в законах союзных республик (Республика Азербайджан, Республика Таджикистан, Республика Беларусь) [3].

В связи с тем, что в УПК РСФСР от 1960 г. [4] не вносились изменения о порядке обеспечения безопасности лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, институт государственной защиты был забыт до 1995 г. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ [5] установил меры государственной защиты

судей, должностных лиц правоохранительных органов и контролирующих органов. Стоит отметить, что Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса» был принят спустя десять лет [6].

До утверждения ФЗ № 119, был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 [1], в котором законодатель предусмотрел меры безопасности, содержащиеся в ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Предусмотренные меры безопасности применяются процессуальными субъектами в рамках проведения следственных действий, без дополнительного привлечения сил специальных подразделений и дополнительных затрат федерального бюджета. Кроме того, в указанном кодексе предусматривалось применение меры пресечения в виде домашнего ареста, однако до 2012 г. обновленный институт проходил адаптацию к современной правовой системе и не имел механизмов законодательного регулирования. Незрелость института домашнего ареста послужила его невключению в ФЗ № 119, что, на наш взгляд, является существенным упущением законодателя.

Однако существующий в нашей стране Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», вступивший в действие с 1 января 2005 г., и ряд норм УПК РФ даже в своей совокупности еще не образуют требуемую систему государственной защиты указанных лиц. Создание системы требует в первую очередь регулирования тех правоотношений, которые складываются при соприкосновении разных отраслей права. Так, до настоящего момента не разработаны на федеральном уровне и не внесены изменения в законы о порядке взаимодействия органов, осуществляющих непосредственный контроль над лицами с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога, и органов, обеспечивающих безопасность в уголовном процессе и государственную защиту.

Меры безопасности дополнительно находят свое отражение в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» [7], также с 2006 г. Правительством РФ утверждалась Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в настоящее время действует Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» [8].

Перед утверждением государственной программы инициатором приводится анализ статистических данных, характеризующих предыдущий этап реализации программы. Стоит отметить, что данные анализируются несистемно, а это наводит на мысль о формальном подходе к организации и ежегодного контроля, и разработки необходимых изменений в действующую программу. На мой взгляд, институт мер государственного принуждения должен обязательно учитываться в подобном рода программах, так как применение мер пре-

сечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога непосредственно связано с ограничением прав и свобод человека, гражданина, а применение мер государственной защиты приводит к дублированию мер, направленных на ограничение прав. Дополнительно затрагивает и служебную деятельность органов, непосредственно осуществляющих контроль и исполнение мер пресечения. Применение мер государственной защиты к подозреваемым, обвиняемым с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога, в какой-то степени дезорганизует деятельность учреждений УИИ, связанных с осуществлением полноценного контроля за соблюдением запретов, возложенных судом.

За период с 2006 по 2008 г. к 3 296 лицам, или 5,5% прогнозируемого уровня, были применены меры государственной защиты. Стоит отметить, что в рассматриваемый период еще не были образованы специализированные органы, обеспечивающие меры государственной защиты. Зачастую меры государственной защиты, применялись к свидетелям (63,2%), потерпевшим (23%), подозреваемым и обвиняемым (3,12%) [8]. В 2012 г. охвачены мерами государственной защиты 2 800 участников, что на 17% больше, чем в 2011 г. [9]. В период с 2014 по 2017 г. число участников уголовного процесса, находившихся под защитой, в среднем составляло от 3,3 до 3,9 тыс. человек в год [8]. Проведя анализ статистических данных по применению мер государственной защиты, можно прийти к выводу о неэффективных механизмах реализации государственной программы. Между тем на применение мер государственной защиты государством дополнительно выделяются значительные денежные средства из федерального бюджета.

Однако при разработке новой программы не учитываются и не фиксируются случаи осуществления двойного контроля за лицами с мерами пресечения и одновременным применением мер государственной защиты, хотя ФСИН России в 2019 г. внесены изменения в формы статистической отчетности для фиксации подобных фактов. Однако фиксация данных фактов не имела официальных комментариев.

Согласно статистическим данным, ежегодно в ходе расследования уголовных дел более 10 млн человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей. К участникам уголовного судопроизводства часто применяются приемы и методы физического и психологического воздействия в целях изменения ими своих показаний либо отказа от них. Результатом этого становятся случаи отказа и уклонения потерпевших и свидетелей от участия в уголовном судопроизводстве [8].

Проведенный в период с 2006 по 2020 г. анализ прямо указывает, что институт применения мер государственной защиты в современных условиях развития российской государственности не востребован должным образом.

Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства Внутренних Дел РФ» (далее – Указ Президента № 1316) в структуре МВД России созданы центры по обеспече-

нию безопасности лиц, подлежащих государственной защите. На основании Указа Президента № 1316 при главных управлениях территориальных органов МВД образованы оперативно-розыскные части обеспечения госзащиты (далее – ОРЧ ОГЗ).

ОРЧ ОГЗ в своей деятельности руководствуются Конституцией РФ, федеральными законами о государственной защите, ФЗ № 103-ФЗ от 15.07.1995 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ФЗ № 144-ФЗ от 12.08.1995 «Об оперативно-розыскной деятельности», а также нормативными правовыми актами МВД России.

Осуществление данными подразделениями деятельности по защите жизни, здоровья и (или) имущества требует безукоризненного выполнения комплекса мер, направленных на обеспечение безопасности. Однако даже в открытом доступе имеется информация о гибели граждан, находящихся под государственной защитой.

В результате бездействия и халатного отношения заместителя начальника отдела ОРЧ ОГЗ МВД по Республике Дагестан по обеспечению мер государственной защиты в отношении судьи Верховного суда Республики Дагестан 15 января 2013 г. совершено убийство Магомедова М.Г. Следствием установлено, что Магомедов М.Г. с 20 декабря 2012 г. находился в ежегодном отпуске и не находился при исполнении служебных обязанностей, в связи с чем к нему не применялся весь комплекс мер государственной защиты [10].

Кроме того, в судебной практике встречаются прецеденты использования должностного положения для присвоения денежных средств, выделяемых для обеспечения безопасности.

Согласно приговору Кировского районного суда г. Астрахани к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 159 УК РФ привлечен старший оперативный уполномоченный ОРЧ (ОГЗ) УМВД России, который в ходе осуществления мер безопасности присвоил определенную сумму денежных средств, предназначенных для аренды квартиры для проживания лица, находящегося под государственной защитой [11]. Преступный умысел данной категории лиц ставит под угрозу не только жизнь защищаемого лица, но и интересы государства, выражаемые в сохранении информации, позволяющей изобличить лиц, причастных к совершению тяжких и особо тяжких преступлений.

Имеется и прецедент в отказе применения мер государственной защиты по заявлению потерпевшей Володиной В.И., причем официального ответа по поводу рассмотрения заявления заявитель так и не получил. Володина В.И. направила жалобу в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) [12].

В результате проведенного судебного заседания ЕСПЧ признал не правомерным отсутствие официального отказа в применении мер государственной защиты и непредоставлении статуса потерпевшей.

На основе решений ЕСПЧ можно выделить ряд проблем в области обеспечения безопасности лицам на стадии проверки сообщения о преступлении. Согласно УПК РФ, из всех участников уголовного судопроиз-

водства только потерпевший (в соответствии с п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и свидетель (п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) имеют право ходатайствовать о применении мер безопасности в отношении них. В части отсутствия полномочий по защите лиц до возбуждения уголовного дела нормы УПК РФ и нормы ФЗ № 119 аналогичны. До возбуждения уголовного дела гражданин, находящийся под угрозой, но владеющий информацией (оказывающий содействие) в изобличении виновных лиц, не может рассчитывать на меры безопасности в рамках уголовного процесса, равно как и на меры государственной защиты. Среди прав других участников уголовного судопроизводства, указанных в гл. 5–8 разд. 2 УПК РФ, аналогичного требования не предусмотрено.

На этапе проверки сообщения о совершенном преступлении в рамках ст. 144 УПК РФ у большинства задержанных лиц в уголовном процессе отсутствует процессуальный статус. В свою очередь, указанной выше нормой предусмотрено применение мер безопасности в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц. В данном случае важно понимать, в каком контексте законодателем употреблен термин «иных участников». Если речь идет об иных участниках, закрепленных в гл. 8 УПК РФ, то большая часть нуждающихся в обеспечении безопасности лиц юридически не смогут на это рассчитывать. В случае если «иные участники» употребляются законодателем в значении «другие», тогда вовсе возникает вопрос о целесообразности перечисления процессуальных статусов участников процесса.

Заметим, что применение уголовно-процессуальных мер безопасности для государства значительно выгоднее с экономической точки зрения, нежели применение специализированных мер государственной защиты, поскольку не требует дополнительного финансирования. Применяемые уголовно-процессуальные меры безопасности требуют лишь волевого решения должностных лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, и в отличие от мер безопасности, регламентированных в Федеральном законе № 119, могут быть исполнены указанными должностными лицами самостоятельно. Кроме того, применение уголовно-процессуальных мер к лицам с мерами пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога не отменяет полномочия сотрудников УИИ в части исполнения постановления, направленного на контроль за исполнением возложенных запретов.

В разное время развития института государственной защиты в России проводили исследования А.Б. Ширитов, Д.С. Соколов, В.И. Крайнов, А.В. Лукинский, Л.В. Брусницын, А.Ю. Епихин, О.А. Зайцев, О.В. Левченко, А.В. Москаленко, М.П. Фадеева, О.В. Кириловский и др. Однако в своих исследованиях ученые не рассматривали меры государственной защиты с точки зрения учреждений и органов, участвующих в обеспечении безопасности, и их полномочий и статуса. Учеными всесторонне рассматривался институт государственной защиты. В 2021 г. О.В. Кириловским была защищена докторская диссертация, связанная с

деятельностью ФСИН. В ней раскрыты исключительно механизмы применения мер государственной защиты к сотрудникам УИС, но не задеты вопросы осуществления контроля за лицами с мерами пресечения, находящимися под госзащитой.

Необходимо отметить, что меры государственной защиты имеют свои особенности в субъектном составе участников, обеспечивающих комплекс мер по применению мер защиты, решений об осуществлении государственной защиты, органов, осуществляющих меры безопасности, и органов, осуществляющих меры социальной защиты.

Осуществление мер безопасности возлагается на органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц из числа военнослужащих осуществляются также командованием соответствующих воинских частей и вышестоящим командованием.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

Органами, обеспечивающими безопасность, могут выступать учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, за исключением уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ). Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 апреля 2012 г. № 360 «О некоторых вопросах деятельности уголовно-исполнительных инспекций» внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 7294, в соответствии с которыми УИИ являются учреждениями, исполняющими уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога.

Согласно ФЗ № 119 сотрудники УИИ не могут выступать органом, обеспечивающим меры безопасности, в случае если лицу, находящемуся под государственной защитой, избирается мера пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога. Кроме того, ФЗ № 119 не устанавливает основания участия в обеспечении безопасности осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, за исключением ограничения свободы. Деятельность сотрудников УИИ не вписывается в требования ч. 6 ст. 3 ФЗ № 119.

Постановлением Центрального районного суда г. Барнаула обвиняемому В. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с установлением мер государственной защиты. В постановлении суда указаны осно-

вания для избрания меры пресечения: признал вину в совершаемых им преступлениях; раскаялся в содеянном; активно способствует раскрытию и расследованию преступлений; дает правдивые показания о лице, имеющем лидирующее положение в преступной иерархии Алтайского края. Кроме того, обвиняемый заключил досудебное соглашение о сотрудничестве. К тому же существует реальная угроза жизни и здоровью со стороны соучастников, совместно содержавшихся в следственном изоляторе (материалы получены при прохождении службы в территориальном органе в должности инспектора).

Отметим, что меры государственной защиты применили к обвиняемому за день до избрания домашнего ареста. Суд указывает на ценность предоставляемых показаний, которые будут способствовать раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений.

В постановлении суда не указан адрес жилого помещения, на которое распространяются установленные запреты, в соответствии с ст. 97, 105.1 УПК РФ, так как жилое помещение предоставляется ГУ МВД по Алтайскому краю и является конфиденциальной информацией в рамках осуществления мер государственной защиты. Как было сказано выше, УИИ не является органом, осуществляющим меры безопасности, а выступает контролирующим органом, обеспечивающим исполнение возложенных судом запретов по месту жительства.

Исходя из сущности государственной защиты, сотрудники филиала, которые осуществляют контроль, не могут указывать проверяемый адрес. Кроме того, при постановке обвиняемого на учет оформление документов, в соответствии с совместным приказом [13], не может быть обеспечено в полном объеме, так как на сотрудников филиала не распространяются меры по обеспечению безопасности участников уголовного процесса, содержащиеся в действующем законе.

Также возникает вопрос по осуществлению доставки лица на судебное заседание. Суд указал на выезды лиц, находящихся под государственной защитой, только в сопровождении сотрудников полиции, обеспечивающих меры безопасности, по аналогии и посещение медицинских учреждений – с сотрудниками полиции. Обязанности инспекции по осуществлению доставки фактически не исполнима.

В постановлении суд дает разрешение на осуществление видеонаблюдения по месту нахождения обвиняемого, но не урегулирован порядок предоставления видеозаписей в рамках контроля за возложенными запретами и доказывания фактов нарушений подучетным лицом.

Аналогичная ситуация, только при осуществлении контроля за условно осужденным, имела место быть в ФКУ УИИ ГУФСИН России по Приморскому краю. При поступлении приговора сотрудники ОРЧ по ОГЗ УМВД России по Приморскому краю отобрали подписку о неразглашении сведений о защищаемом лице у начальника филиала, в итоге фактически осужденный не проверялся по месту жительства, профилактические мероприятия по пресечению повторных преступлений с ним не осуществлялись, приговор суда не исполнен.

В результате совмещения мер государственной защиты, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога с запретами, предусмотренными ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, возникают вопросы, которые не урегулированы законом и требуют внесения изменений в совместный приказ и статьи УПК РФ, регламентирующие комплекс процессуальных мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Необходимо законодательное закрепление порядка взаимодействия сотрудников УИИ с органами, осуществляющими меры государственной защиты. Кроме того, необходимо включить сотрудников УИИ в перечень органов, обеспечивающих меры безопасности, а также рассмотреть вопрос внесения изменений в ст. 14 ФЗ № 119 в части дополнения: «защищаемого лица с мерой пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий и залога и осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы». Предложенные изменения имеют большое значение в настоя-

щее время, на фоне возросшего количества случаев применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы.

На наш взгляд, важным изменением в ФЗ № 119 является внесение дополнительной формулировки: «меры государственной защиты в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, которые способствуют предупреждению или раскрытию преступления, в необходимых случаях должны быть применены до возбуждения уголовного дела». Применение данной формулировки при обеспечении мер безопасности в рамках уголовно-процессуального закона возможно, но необходима разработка мер, направленных на обеспечение безопасности лиц, не имеющих процессуального статуса до возбуждения уголовного дела.

Предложенные выше изменения значительно увеличат гарантии безопасности вступающих в уголовный процесс лиц, положительно скажутся на динамике раскрываемости преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) (с изм. и доп., вступающими в силу с 07.03.2021) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
2. Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 495 (утратил силу).
3. Юрист. Официальный сайт. URL: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (дата обращения: 31.03.2021).
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
5. Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
6. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
7. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) «О безопасности» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
8. Постановление Правительства РФ от 25.10.2018 № 1272 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
9. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 № 586 (ред. от 31.10.2018) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).
10. Мурада Алиева. Убит Федеральный судья // Махачкалинские известия. 2013. 15 март. № 10. С. 2–9.
11. Судебные и нормативные акты. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0nWD66EJ34NR> (дата обращения: 06.11.2021).
12. Постановление ЕСПЧ от 09.07.2019 «Дело «Володина (Volodina) против Российской Федерации» (жалоба № 41261/17) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4.
13. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 31.03.2021).

Статья принята к публикации 10.09.2021.

Current Issues of the Application of State Protection Measures in the Execution of Precautionary Measures in the Form of Home Confinement, Prohibition of Certain Actions and Bail

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2021, no. 18, pp. 43–48. DOI: 10.17223/23088451/18/8

Denis I. Gavrilov, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ya.den-gavrilov-14@yandex.ru

Keywords: state protection, preventive measures, security measures, home confinement.

Currently, the State Program “Ensuring the Safety of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings for 2019–2023” is in force. Before approving the state program, the initiator provided an analysis of statistical data relating to the previous stage of the program implementation. However, since the data was not analyzed systematically, it suggests a formal approach to organizing annual control and the need to develop necessary changes to the current program. Such programs must take into account the measures of

public enforcement, since the preventive measures in the form of home confinement, prohibition of certain actions and bail are directly related to the restriction of the rights and freedoms of a person and citizen. The application of state protection measures leads to the duplication of measures aimed at limiting rights and affects official activities of the bodies responsible for the control and enforcement of preventive measure. The application of state protection measures to suspects and accused with measures of restraint in the form of home confinement, prohibition of certain actions and bail disorganizes the activities of penitentiary institutions related to the implementation of full control over the imposed prohibitions. From 2006 to 2008, measures of state protection were applied to 3,296 persons (5.5% of the projected level). It should be noted that during the period under review, there were no specialized bodies to provide state protection measures. State protection measures were frequently applied to witnesses (63.2%), victims (23%), suspects and accused (3.12%). In 2012, 2,800 participants were covered by state protection measures, which is 17% more than in 2011. From 2014 to 2017, the number of participants in criminal proceedings who were under protection averaged from 3.3 to 3.9 thousand people per year. After analyzing the statistical data on the application of state protection measures, it can be concluded that there are ineffective mechanisms for the implementation of the State Program. In turn, it should be noted that the state has allocated additional significant funds from the federal budget for the application of state protection measures.

References

1. Russian Federation. (2001) *“Ugolovno-protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii” ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 24.02.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 07.03.2021)* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on February 24, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on March 7, 2021)]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
2. USSR. (1990) *Zakon SSSR ot 12 iyunya 1990 g. № 1556-1 “O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Osnovy ugolovnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznykh respublik”* [Law No. 1556-1 of the USSR of June 12, 1990, “On Amendments and Additions to the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics”]. *Vedomosti SND SSSR i VS SSSR*. 26. Art. 495 (invalidated).
3. *Yurist*. Official site. [Online] Available from: <https://online.zakon.kz/Lawyer> (Accessed: 31st March 2021).
4. USSR. (1960) *“Ugolovno-protsessual’nyy kodeks RSFSR” (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) (s izm. i dop., vstupayushchimi v silu s 01.07.2002)* [The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960) (as amended on December 29, 2001, as amended on November 26, 2002) (as amended and supplemented, coming into force on July 1, 2002)]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
5. Russian Federation. (1995) *Federal’nyy zakon ot 20.04.1995 № 45-FZ (red. ot 30.12.2020) “O gosudarstvennoy zashchite sudey, dolzhnostnykh lits pravookhranitel’nykh i kontroliruyushchikh organov”* [Federal Law No. 45-FZ of April 20, 1995 (revised from December 30, 2020) “On state protection of judges, officials of law enforcement and regulatory bodies”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
6. Russian Federation. (2004) *Federal’nyy zakon ot 20.08.2004 № 119-FZ (red. ot 07.02.2017) “O gosudarstvennoy zashchite poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva”* [Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 (as amended on February 7, 2017) “On state protection of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
7. Russian Federation. (2010) *Federal’nyy zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ (red. ot 09.11.2020) “O bezopasnosti”* [Federal Law No. 390-FZ of December 28, 2010 (as amended on November 9, 2020) “On Security”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
8. Russian Federation. (2018) *Postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 25.10.2018 № 1272, Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy “Obespechenie bezopasnosti poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva na 2019–2023 gody”* [Decree No. 1272 of the Government of the Russian Federation of October 25, 2018, On approval of the State program “Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2019–2023”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
9. Russian Federation. (2013) *Postanovlenie Pravitel’sтва RF ot 13.07.2013 № 586 (red. ot 31.10.2018) “Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy ‘Obespechenie bezopasnosti poterpevshikh, svideteley i inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva na 2014–2018 gody’* [Decree No. 586 of the Government of the Russian Federation of July 13, 2013 (revised on October 31, 2018), On approval of the State program “Ensuring the safety of victims, witnesses and other participants in criminal proceedings for 2014–2018”]. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021).
10. *Makhachkalinskie izvestiya*. (2013) *Ubit Federal’nyy sud’ya* [Federal judge killed]. 15th March. pp. 2–9.
11. Russian Federation. (n.d.) *Prigovor № 1-454/2016 ot 3 noyabrya 2016 g. po delu № 1-454/2016* [Sentence No. 1-454/2016 of November 3, 2016, Case No. 1-454/2016]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/OnWD66EJ34NR> (Accessed: 6th November 2021).
12. ECHR. (2020) *Postanovlenie ESPCh ot 09.07.2019 Delo “Volodina (Volodina) protiv Rossiyskoy Federatsii” (zhaloba № 41261/17)* [Resolution of the ECHR of July 9, 2019, Case “Volodina v. Russian Federation” (Application No. 41261/17)]. *Byulleten’ Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie*. 4.
13. Russian Federation. (2020) *Order No. 189 of the Ministry of Justice of Russia No. 603 the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 87 of the SK of Russia, No. 371 of the FSB of Russia of August 31, 2020, “On approval of the Procedure for monitoring the location of suspects or accused persons at the place of execution of a preventive measure in the form of home confinement and by the court of prohibitions by suspects or accused, in respect of whom the prohibition of certain actions, home confinement or bail was chosen as a preventive measure” (Registered as No. 59635 in the Ministry of Justice of Russia as of September 3, 2020)*. [Online] Available from: Consultant Plus. (Accessed: 31st March 2021). (In Russian).